

Выступление на Конференции Логико-исторической школы (2009).

Творчество Георгия Мартынова и советская фантастика.

В русле сегодняшнего разговора я хотела бы напомнить о фантастике в литературе, которой, на мой взгляд, не уделялось и сейчас не уделяется должного внимания. Почему в литературе? Потому что именно там это лучше всего разработано. То, что представляют сегодня кинофантастика и фантастическая живопись, по-моему, не заслуживает никакого внимания.

Фантастика, какой бы она ни была и с чем бы ни была связана, представляет собой род литературы (хотя не единственный) который по самой своей природе отражает представления общества и человека о будущем. Если бы не это, фантастика как таковая, особенно то, что принято называть научной фантастикой, наверное, вообще бы не появилась. Материал этот, конечно, огромен, работы тут непочатый край. Когда я попробовала заняться этой темой, то быстро убедилась, что серьезных работ в этой области практически нет. Сегодня я хотела обратить ваше внимание на феномен советской фантастики. По-моему, этот феномен оценен недостаточно.

Советская фантастика выделяется на общем фоне прежде всего тем, что отражает представления о будущем общества, начавшего выбираться из мира отчуждения, из мира предыстории. После революции перед людьми, как сказал Маяковский, «недостижимое слово "социализм" встало как "простое делаемое дело", дело, которое делают они сами. Для этого понадобились достаточно ясные и доступные массам представления о конечной цели, о перспективе. Именно поэтому в советской фантастике получил серьезное развитие жанр, к которому теперь вернулось название «утопия». Приведу примеры самых ярких произведений этого жанра. Это «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, «Возвращение. Полдень. XXII век» Аркадия и Бориса Стругац-

ких и романы фантаста, наверное мало известной аудитории, Георгия Мартынова «Каллисто. Каллистяне», «Гость из бездны» и «Гианэя».

Последние три романа, как мне представляется, в советской фантастике определённого периода вообще наиболее интересны. Этот период я для себя обозначаю как фантастику 50-х годов. Его обычно связывают с творчеством И.А. Ефремова, в первую очередь – со знаменитым романом «Туманность Андромеды», «вспышкой», которая, как пишут наши фантаствоведы, открыла горизонты дальней фантастики. взамен так называемой «фантастики ближнего прицела» (представители: Немцов, Охотников и другие). Это вещь достаточно хорошо известна, её достоинства многократно описаны и подтверждены. Важнее было бы сказать о её недостатках, каковых у неё, можно сказать, через край, но, повторяю, не это сейчас предмет разговора. Я хотела напомнить о Георгии Мартынове, которого постарались достаточно капитально забыть, причём, что интересно, в 60-е – 70-е годы.. Вот, к примеру, в одной из ведущих работ по фантастике этого периода, книге Г.Гуревича «Карта Страны Фантазии» (1967 г.), довольно подробно разбираются произведения Ефремова, Стругацких, многих других авторов, но Мартынов там упоминается всего в двух-трёх местах и то лишь как фамилия в ряду других фамилий.

На мой взгляд, это произошло не случайно. Георгий Мартынов выделяется среди советских фантастов внимательной, очень серьёзной, очень детальной проработкой представлений о том, каким может быть действительно возможное коммунистическое общество, попыткой смоделировать, какой будет тогда жизнь, какими будут люди и их отношения. Причём, подчёркиваю, общество именно коммунистическое, потому что нарисованное в «Туманности Андромеды», при всех достоинствах изображённого, всё-таки от коммунизма достаточно далеко. Там можно найти большое количество элементов, в своей основе даже фашистских. Но от этого я пока отхожу в сторону.

Ефремов – родился в 1907 году, Мартынов – в 1906, а братья Стругацкие – это уже 1925 и 1933 годы. То есть, разница между ними приблизительно

но одно демографическое поколение. В связи с этим, существуют заметные различия в их мироощущении, представлениях и, следовательно, в их творчестве и произведениях. Авторы-фантасты 60-х годов, так называемого «золотого века советской фантастики», для которых типичны романы А. и Б. Стругацких, отличались тем, что я, для себя, называю легковесностью. Если мы возьмём, скажем, «Возвращение или Полдень XXII век», то, по-моему, отчётливо можно заметить, что, общество, которое там описано, сконструировано по принципу: «где лично я хотел бы жить», «где лично мне будет удобно и комфортно», то есть исходя из личных желаний, симпатий, предпочтений авторов. Вопрос: возможно ли такое общество, а если да, то как этого достичь, как мне представляется, у авторов этого периода не встаёт вообще. Хотя надо отдать должное Стругацким: они, похоже, ощущали этот недостаток, и в некоторых произведениях у них проходят мотивы возможности и невозможности. Между прочим, когда авторы этого периода начали задумываться о цене столь желаемого ими будущего, в картинах их собственных идеальных обществ стали проступать совсем не коммунистические черты. Но вопрос о путях к будущему обществу не встал и здесь. Скорее, возник вопрос, а нужно ли туда идти. Это произошло потому, что на самом деле они описывали вовсе не общества будущего. Они описывали рафинированные 60-е годы. Т.е. это была попытка взять определённое состояние общества, а именно современную им действительность, и очистить от всех недостатков, а сохранить только достоинства. Не удивительно что эти романы производили впечатление легковесных, авторы не задумывались о связях изображаемого с реальным миром.

Как мне кажется, это во многом связано с особенностями воспитания, формирования данного поколения, когда, родившись, оно попало сразу в эпоху великих свершений, великих побед. Смотрите сами: 25-й, 33-й годы рождения, значит, они как бы пропустили путь к этому (революцию, гражданскую войну, разруху, трудности коллективизации) и застали все победы индустриализации и т.д. Конечно, была и Великая Отечественная война, но и

Победа была тоже великая. Потом, после всего этого, на них очень большое влияние оказал XX съезд, пресловутая хрущёвская оттепель, особенно все эти объявления, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Наши распрекрасные шестидесятники эти слова приняли всерьёз, поверили, что на них вот так свалится коммунизм, что он может быть легко и просто кем-то подарен. У них исчезло ощущение «делаемого дела», ощущение того, что я сам, мы сами *делаем* коммунизм. Отсюда, как мне кажется, и начались описания коммунизма по принципу «где я хотел бы жить».

Георгий Мартынов со своими произведениями никак не вписывался во всё это. Он, по-видимому, понимал, а, может быть, не столько понимал, сколько опять-таки ощущал, что общество будущего в принципе не может быть рафинированной современностью, похоже, он ощущал и надвигающиеся проблемы, надвигающиеся трудности. Шестидесятники упрекали романы Мартынова, в основном, в наивности, заявляли, что там нет приключений, напряжённости действия, и, соответственно, что читать их скучно. На самом деле, если взять его романы, во всяком случае, те, что я перечислила, то драматизма и проблемности там не меньше, а больше, чем в романах «золотого века». Но это другой драматизм и другие проблемы. Мартынов, как я уже говорила, пытался представить, каким должно быть действительно коммунистическое общество, а, значит, перед ним в неявном виде вставал вопрос, как к этому прийти, какими будут это пути, какой будет цена, за это заплаченная, и в самих конфликтах его романов эти вопросы проступают достаточно отчётливо. Хотя, я ещё раз повторяю, они не формулируются явно.

К примеру, роман «Гость из бездны». Роман этот вообще очень интересен. Он задумывался автором ещё в 1951 году, до выхода в свет «Туманности Андромеды». Я, конечно, не могу точно сказать, почему Мартынов отложил этот роман, почему он не выпустил его раньше «Туманности Андромеды», но, в отличие от этого романа, рисующего картину будущего такой ярчайшей, ослепительной вспышкой, что в ней едва-едва различимы какие-то кон-

туры, «Гость из бездны» проработан очень тщательно, очень детализирован, и, в связи с этим, заслуживает самого серьёзного рассмотрения.

Сюжет этого романа можно передать кратко так. Дмитрий Волгин, человек 20 века, участник войны, Герой Советского Союза, умирает вскоре после войны и воскресает, точнее, его оживляют (это тоже подробно разработано), в 39 веке по нашему счёту времени. Общество этого периода давным-давно коммунистическое, и другое им известно только из истории. Взаимоотношения человека 20 века и людей века 39 и составляют основной конфликт романа. Эти взаимоотношения очень хорошо высвечивают различия, которые существуют между ними, и, с точки зрения автора, всё-таки непреодолимы. Как бы это общество ни было прекрасно, человек 20 века не может там жить нормальной для себя жизнью. И не потому, что оно его не примет, этого как раз нет, Дмитрия Волгина принимают с огромным уважением, а потому, что он не прошёл пути к этому обществу. В его личном опыте, его историческом сознании нет пути от 20 до 39 века, а, следовательно, это он не может понять и принять то, что для людей 39 века естественно и просто.

Вот здесь, как мне кажется, и встаёт вопрос о важности самого процесса перехода от одних общественных отношений к другим, о необходимости такого процесса для формирования человека коммунистического общества, который будет качественно отличаться от человека нашего времени.

Близкий по проблематике, хотя и совершенно своеобразный, конфликт в романе «Гианэя». Действие этого романа отнесено не в такое далёкое будущее, по тексту можно установить, что это 21 век. На Земле утвердилось ещё не коммунистическое, но действительно развитое социалистическое общество. В это общество попадает девушка с другой планеты, которая выросла и сформировалась в условиях высокого уровня развития техники, но отсталых общественных отношений, отношений эксплуататорских, колониалистских. И она тоже не может легко и спокойно войти в более высоко развитое общество, несмотря на то, что общество принимает её с радостью, и на то, что она сама очень молода (ей около 17 лет, т.е. она почти девочка).

Прежде всего, она очень многого не может понять и принять в этих отношениях, для неё здесь так много чуждого и даже непостижимого, что это доводит её до попытки самоубийства.

Даже самый, скажем так, благополучный роман Мартынова «Каллисто. Каллистяне» содержит эту проблему, правда, в наиболее неявной форме. Собственно, это два романа, но один прямо продолжает другой. Первый из них, «Каллисто», построен по схеме «шпионского» романа, характерного для 50-х годов. На Землю в то время прилетают инопланетяне с планеты Каллисто системы Сириуса. На Каллисто давно коммунистическое общество, поэтому жители её существенно отличаются от нас. Приземляется их корабль на территории Советского Союза, но на встречу с гостями приезжают делегации всех стран, в том числе капиталистических. Среди них оказываются агенты разведок, которым дано задание вывести из строя космический корабль и уничтожить гостей из космоса. В общем, схема достаточно традиционная, хотя тема совместимости – несовместимости звучит и здесь.

Зато во втором романе, «Каллистяне», где двое советских людей отправляются на Каллисто, и тоже оказывается, что они не могут там жить, эта тема выступает отчётливо, хотя причины названы скорее биологические, а не социальные: излучение Сириуса существенно отличается от излучения Солнца и оказывается непереносимым для землян. Но, тем не менее, проблема невозможности свободного вхождения людей из менее развитого общества в более развитое стоит и здесь, хотя, повторяю, в наиболее неявной форме.

Почему же, на мой взгляд, заслуживает рассмотрения с марксистских позиций такое явление культуры XX в., как литературная фантастика, отражающая представления общества о будущем и об общественном идеале? Потому что, если мы сейчас займёмся теоретическими разработками коммунистического идеала и пропагандой этого идеала среди населения, то без художественных образов в этой работе мы просто не сможем обойтись. А такие образы нам может дать прежде всего советская фантастика, по самой своей

природе предназначенная для создания и исследования моделей коммунистического общества.